

Вл. БУРЦЕВЪ.

**ЮБИЛЕЙ
ПРЕДАТЕЛЕЙ И УБИЙЦЪ**

(1917 - 1927).

Проклятіе вамъ, большевики!



P A R I S

Rapid-Imprimerie, 12, rue Royer-Collard. - Paris (5 arr.). I

ОКТЯБРЬ 1927 Г.

{3}

Большевики прежде всего — предатели

25 октября (7 ноября) большевики будут праздновать 10-летний юбилей захвата власти в 1917 г.

Будут они писать воспоминания, подводить итоги прошлому и в назидание своим говорить об уроках будущего. В своей монопольной прессе они, конечно, будут славословить переворот, — и в их СССР не раздастся никаких протестов против всей лжи, какую они наговорят для целей своей пропаганды.

Конечно, в самой России, где против большевиков вопиют камни, официально торжественный тон на юбилейных празднествах никого не убедит в прелестях октябрьского переворота. Но зато свободный протест против большевицкого переворота раздастся за границей и он дойдет до России, и его главным деятелям, прежде всего Ленину, будет воздано по заслугам. Свободная пресса за границей и в настоящее время покажет всем, в каком духе впоследствии будут говорить в России о большевицких юбилеях тогда, когда страна будет свободна.

По поводу октябрьского юбилея я хочу напомнить о том, что всегда лежало в основе деятельности большевиков, с чего начались их успехи и без чего они никогда не совершили бы своего октябрьского переворота.

Я говорю о том, что в основе всей деятельности большевиков всегда лежало совершенно откровенное и сознательное предательство России.

Свое предательство России большевики начали еще за границей — до войны. Предать Россию они продолжали и во время войны — сначала за границей, а потом в Петрограде — после революции — все время, до своего октябрьского переворота. Предателями России они были — и, б. м., больше, чем когда-нибудь раньше — и потом, когда захватили власть в свои руки. Да, они никогда не были не-предателями.

Об этом предательстве большевиков мы напоминаем в {4} настоящей брошюре цитатами из статей, опубликованных нами еще в России до большевицкого переворота.

О предательстве большевиков мы говорим не только потому, что оно — предательство, но и потому, что большевики, которые, как предатели, очутились во время войны в руках немцев, как их орудие, не только явились страшным несчастьем для России, но и имели огромное разлагающее международное значение.

Благодаря русским большевикам, немцы в 1917 г. смогли еще надолго затянуть войну, и это потребовало новых миллионных людских жертв и принесло повсюду новые народные разорения.

При несколько более благоприятно сложившихся обстоятельствах немцы, пользуясь большевиками, могли бы добиться победы или, по крайней мере, выйти из войны не побежденными — тогда, конечно, в результате войны мы видели бы на долгие годы европейскую реакцию.

Первый контакт большевиков с немцами и первое их предательство России относится к 1912 г.

Но и до этого времени большевики, и Ленин прежде всего, как самый яркий выразитель их, давно считались предателями в своей с. – д. среде. Для партийных целей они жертвовали всем. Эта неразборчивость в средствах борьбы у большевиков была всегда. В свое время, напр., Мартов, так близко знавший самого Ленина, говорил о нем и вообще о ленинцах, как о шантажистах, клеветниках и как о людях аморальных, не брезгующих никакими средствами.

В 1912 г. в Париже из Австрии по поручению немцев приехали представители различных социалистических партий, сами в то время уже договорившиеся с австрийским правительством о совместном выступлении против России во время войны. Они предложили русским революционерам воспользоваться услугами австрийского правительства, действовавшего в данном случае с согласия немецкого Генерального Штаба. Единственно кто из русских революционеров пошел навстречу немцам, — были большевики — и прежде всего Ленин.

Ленину, по поручению немцев, предложили переехать из Парижа в Краков, поселиться на русско-австрийской границе и оттуда, пользуясь покровительством австрийской власти, — готовить в России большевицкое движение на случай войны.

Ленин принял предложение немцев. Летом 1912 г. он переехал в Австрию в Краков и там до самой войны с помощью провокаторов, вроде Малиновского, стал из-за границы заниматься развитием большевизма в России. Там у него были заседания большевицкого Ц. К., и оттуда рассылались им агенты и комиссары для пропаганды и для создания большевицких организаций.

Когда война была объявлена, немцы сейчас же дали {5} возможность Ленину, Зиновьеву, Бухарину, Троцкому и другим, для успешного развития их большевицкой пропаганды, выехать из Австрии в Швейцарию.

В Швейцарии Ленин широко вел все время войны свою циммервальдийскую пропаганду. Оттуда же с помощью немцев он в 1917 г. проезжает через Германию в Россию и здесь делает все, чтобы разложить русскую армию. Из России он в 1917 г. деятельно поддерживает свои сношения с немцами через своих товарищей, как Ганецкий, и от них получает поддержку. С их же помощью он подготавливает свой октябрьский переворот.

Как предатель России, Ленин работает с немцами и после переворота. В марте 1918 г., когда союзники продолжали еще войну, она заключает с немцами Брест-Литовский договор, принимает в Москве их посольство и в Берлин посылает своим послом Иоффе. Он, таким образом, оказал в то время колоссальную услугу немцам и они, пользуясь поддержкой большевицкого правительства, начали было в половине 1918 г. снова надеяться на свою победу над союзниками.

Но этому союзу большевиков и Ленина с правительством Вильгельма II в ноябре 1918 г. положила конец победа союзнических армий на Западном фронте. Своих связей с немцами большевики, однако, не прекратили и позднее. Они и до сих пор поддерживают друг друга в международной политике.

Таким образом, большевики до своего октября 1917 г. дошли постепенно, начиная с 1912 г., путем предательства России. Из ничтожной партии, не имевшей в России никакого серьезного значения, большевики еще до войны, благодаря помощи немцев, приобрели международное значение. Еще больше значения они приобрели, благодаря также немцам, во время войны, в особенности, когда они легализировались в России и к ним из Германии приехал Ленин.

В день десятилетнего юбилея совершенного ими переворота, большевикам, во всяком случае, можно похвастаться своими партийными успехами. Для своей пропаганды и для организации своей партии им, действительно, удалось сделать много. В этот день они, конечно, будут вспоминать свои успехи и прославлять своих героев.

Трудно сказать, будут ли они с таким же самодовольством и с таким же энтузиазмом праздновать десятилетний юбилей своей государственной деятельности, или, может быть, все-таки признают, что после их хозяйничанья в России они теперь бесспорно находятся у разбитого корыта.

Их планы перестройки страны на новых началах потерпели полный крах, их идеи в приложении к жизни в конце {6} обанкротились, страна разорена, разорены не только буржуазия и культурные классы, разорены рабочие, обеднели деревни.

В современной русской жизни не только не воплощены принципы демократии, лежащие в основе и социализма и коммунизма, но исчезли даже и те демократические завоевания, которые были сделаны в России при Александре III и Николае II, при Плеве и Столыпине.

Россия живет в условиях политического рабства, небывалого даже в аракчеевских военных поселениях. В грязь втоптаны все самые элементарные понятия свободы и права. Не существует ничего, даже отдаленно напоминающего и ту степень свободы печати, какая была при царской цензуре. Россия накануне дальнейшего разложения и разорения. Она потеряла свое былое международное значение.

Перед торжествующими юбилеями не могут не всплывать и воспоминания о последнем кровавом 10-лети с его небывалыми в России массовыми смертными казнями, убийствами, повсеместным народным голодом и т. д. Все это у всех на глазах. Никто об этом забыть не может.

Таким образом, ожидаемый юбилей не может не быть прежде всего юбилеем слез,

страданий, позора, — и как бы торжествующая большевицкая партийность не мешала изстрадавшему населению демонстративно выявить свои истинные чувства, большевики не создадут в стране никакого праздничного настроения.

Да, они и сами не смогут не сознавать, что им собственно нечего праздновать в этот роковой день русской истории, и они не смогут отделаться от сознания того, что впереди у них нет и не может быть никакой надежды, чтобы, пока они существуют, страна смогла залечить нанесенные ей в продолжении последнего 10-летия раны.

Впереди у большевиков по-прежнему остается одна только надежда: ценою дальнейшего разложения страны насколько возможно дольше продолжить существование своей партии.

Но день 25 октября (7 ноября) для всей России — должен быть днем траура, днем тяжелых и позорных воспоминаний не для одних большевиков.

В России некому вспомнить этого дня без самых тяжелых чувств.

Этот день будут вспоминать с тяжелым чувством и все государственные течения, которые вот уже 10 лет борются с большевиками и на борьбу с ними принесли столько бесчисленных жертв и ради нее пережили столько нечеловеческих страданий.

Одни, кто до революции стояли у власти, будут с тяжелым чувством вспоминать этот день не потому только, что после него они так много пережили, а потому, что они не могут не сознавать, {7} что они — одни из главных виновников торжества большевиков в России.

В их распоряжении было тогда все в России: правительственный аппарат, войско, финансы, дипломатия, многовековые государственные традиции — и тем не менее они сделали все, чтобы могли восторжествовать большевики.

К торжеству большевиков в 1917 г. они привели Россию своей близорукостью, своей политической тупостью, своим безмерным, упрямством, своим классовым эгоизмом, всей своей негосударственностью.

В самый критический момент русской истории, какой тогда переживала Россия, они с каким то легкомыслием вели страну к гибели. Их во время предостерегали, но эти самодовольные слепцы ничего не хотели видеть и ни о чем не хотели слышать.

Им не только тяжело в этот день вспоминать, как они подготовляли Россию к гибели, но им, наверное, тяжело вспомнить, как многие из них в день большевицкого переворота и в следующие за ним дни из ненависти к Временному Правительству помогали торжеству большевиков, в легкомысленной надежде затем покончить с большевиками в любое время и тогда вернуть себе власть.

Им должно быть тяжело вспоминать и о том, как потом в продолжение всего 10-летия они не сумели организовать борьбы за спасение России, когда они не хотели этой борьбы поставить выше и своего классового эгоизма и своей старой политической близорукости. Вместо этого, они только помогли большевикам перепортить все в это время.

С тяжелым чувством будут вспоминать день большевицкого юбилея и представители нашей демократии — прежде всего сторонники Временного Правительства во главе с Керенским.

Февральская и мартовская революция была огромным событием в русской истории. Она, казалось, давала России драгоценнейшие завоевания, о которых русские люди мечтали десятилетия.

Демократы, пришедшие к власти в 1917 г., не могут не признавать, что они от прошлого получили богатое наследство. Но они упустили счастливейшую возможность от имени демократии написать прекраснейшие дальнейшие страницы в русской истории. Вместо этого, они только помогли большевикам перепортить все в России, что дала февральская революция, и совершить все их преступления.

Для них не будет утешением то, что, несмотря на их ошибки и на преступления большевиков, из огромнейших завоеваний февральской революции в русской истории, все-таки, останется многое, что впоследствии сможет развиваться в настоящую демократию.

Власть оказалась в руках республиканской демократии — главным {8} образом у к. - д. и социалистов - меньшевиков.

Их восторженно встретило большинство представителей новой России. У них был еще не разрушенный весь государственный аппарат, были войска, дипломатический корпус, суд, финансы.

Но образовавшееся Временное Правительство не обнаруживало понимания важности государственности и сознания необходимости защищать ее всеми средствами.

Большевиков, среди которых скоро появился из-за границы Ленин, открыто призывавших к захвату власти свою партию, что они и выполнили скоро — в октябре, они не рассматривали, как государственных преступников, и дали им полную свободу действий.

В борьбе с анархией и большевизмом, Временное Правительство не хотело опереться на всех, кто к какой бы партии ни принадлежал, но для кого дорога была Россия, кто был враг анархии, кто стоял за свободу, за право, за народную волю, за Учредительное Собрание.

Оно боялось опасности только справа и закрывало глаза на то, что делалось большевиками и теми, кто, не будучи сам большевиком, считал их своими товарищами и работал на них. Большевиков поддерживало не только Временное Правительство, но и вообще демократические слои общества, демократы, — как напр., поддерживал Раковского Короленко.

Ленин, Зиновьев, Троцкий действовали на свободе, и временные аресты некоторых из них только помогали им развивать свою деятельность.

Очень многие из тогдашних сторонников Временного Правительства лишь только за несколько дней или, может быть, за несколько часов до большевицкого переворота устами Керенского в Предпарламенте определенно заявили, что Ленин — государственный преступник. Но и после большевицкого переворота, все эти 10 лет они, все-таки, не ставили на первом плане борьбу с большевиками, а, наоборот, оказывали им огромную помощь в борьбе, которую вели с ними Колчак, Деникин, Врангель.

Но даже и теперь, после 10 лет тягчайших испытаний, многие из демократов, по-видимому, все еще как следует, до конца, не поняли своих ошибок, совершенных в 1917 г. в отношении к большевикам. По крайней мере, мы еще не слышали их признания в этом, а без признания нет надежды, что они отделались от своих тогдашних ошибок.

Итак, предстоит позорный юбилей 25 октября. Но большевицкие юбиляры, какие бы они ни пускали фейерверки во время своего празднества и какие бы громкие слова не произносили, в глазах всей меньшевицкой России останутся прежде всего преступниками — предателями, провокаторами, палачами. Такими они войдут и в историю.

{9} Мы хотели бы надеяться, что нынешний большевицкий юбилей для всех антибольшевиков выявит полное банкротство большевиков, и против них общим фронтом начнут борьбу все государственные антибольшевицкие силы.

Гнилость большевицкой власти в настоящее время выяснилась, как никогда раньше. В России пропадает страх перед ними и вера в их жизненность. Вне России на них начинают смотреть, как на общих непримиримых врагов. В самой России против них поднимает голову мститель. Он идет на решительную борьбу с ними, как революционер, знакомый с лучшими традициями предшествующих революционных партий и прежде всего партии Народной Воли.

Пусть же 10-летний юбилей октябрьского переворота будет концом большевицкой власти!

Юбилей предательства.

... Начиная с нынешнего 1927 года, большевики намерены праздновать многочисленные десятилетние юбилеи своих подвигов и своих удач.

3-го (16) апреля они уже отпраздновали первый из этих десятилетних юбилеев — день приезда Ленина в Россию во время войны через Германию с разрешения Вильгельма II и его Генерального Штаба.

Скоро — 25 октября (7 ноября) — они будут праздновать 10-летний юбилей захвата ими, с помощью немцев, власти в России, а, затем, в 1928 году, — 10-ти летний юбилей заключенного с немцами мира в Брест - Литовске, ими же самими названного «похабным».

Юбилей 3-го апреля большевики праздновали, правда, довольно кисло. Празднуя его, они не могли не чувствовать необходимости о многом умалчивать и во многом оправдывать главного «героя» за этот его подвиг.

В их рассказах (Ф. Платен «Ленин из эмиграции в Россию». Март 1917 г. С предисловием Н. К. Крупской), посвященных приезду Ленина, говорилось больше всего о восторгах петербургских большевиков, встречавших в Петербурге Ленина, но умалчивалось и то, что вместе с петербургскими большевиками от приезда Ленина в большом восторге были немцы с их Генеральным Штабом, и то, что тогда, повсюду в России (конечно, кроме большевицких кругов) для Ленина и его товарищей не было другого названия, как *предатели*.

ОДИН ИЗ ОЧЕРЕДНЫХ БОЛЬШЕВИЦКИХ ЮБИЛЕЕВ.

К началу 1917 года в Швейцарии скопилось много русских политических эмигрантов - пораженцев. Они все время войны вели кампанию против союзников, а некоторые из них определенно сочувствовали и помогали немцам.

{11} Когда в России произошла революция, в феврале - марте 1917 года, эти эмигранты стали стремиться пробраться в Россию.

Но было совершенно очевидно, что союзные страны не разрешат тем из них, кто был пораженцами, проехать через свою территорию. Таким образом, они не могли из Швейцарии проехать в Россию ни через Англию, ни через Францию, и у них, естественно, явилась мысль, ехать в Россию через одну из воюющих с союзниками стран — прежде всего через Германию — в одну из нейтральных стран, как Швеция, а оттуда уже — в Россию.

Трудно сказать, где и кем собственно впервые был поднят вопрос о переезде русских эмигрантов в Швецию через Германию: в Швейцарии ли среди самих эмигрантов, или в Германии — в немецком Ген. Штабе. Может быть, и там, и тут после русской революции эта мысль явилась одновременно. Во всяком случае, известно, что в Германии вопрос о переброске русских пораженцев в Россию поднимался много раз еще до революции.

НЕМЦЫ И РУССКИЕ ПОРАЖЕНЦЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Известная советская «послица» Коллонтай в своем дневнике, года три тому назад изданном в России, дает любопытный рассказ о том, как сильно немцы в самом начале войны рассчитывали на помощь русских большевиков.

По ее словам, немцы прекрасно понимали, что русские революционеры, оставаясь во время войны в Германии, были для них бесполезны и что, наоборот, они оказали бы им огромные услуги, если бы, уехав в Россию, и во время войны продолжали там вести борьбу с русским правительством и разлагали бы русскую армию своей пацифистской пропагандой. Они, по мнению немцев, были бы для них очень полезны своей пропагандой, даже и в том случае, если бы, покинув Германию, задержались где-нибудь в нейтральных странах, и оттуда вели бы свою пропаганду.

Поэтому, немцы тотчас же после объявления войны решили попытаться задержавшихся у них русских революционеров переправить в Россию. Первое предложение, сделанное русским эмигрантам в довольно цинической форме, было некоторыми из них встречено с протестами. Но затем, когда через несколько дней то же самое предложение немцы повторили в новой — более замаскированной — форме, предложение было ими принято с радостью.

Среди получивших при этих условиях разрешение выехать из Германии, еще в августе 1914 года, были: Стеклов - Нахамкес, {12} Коллонтай, Ларин, многие другие, кто впоследствии, во время войны, действительно, оказал немцам огромные услуги своей пропагандой за границей и в России.

ПЕРЕГОВОРЫ НЕМЦЕВ С РУССКИМИ ЭМИГРАНТАМИ В ШВЕЙЦАРИИ.

После февральской революции 1917 г., прежде, чем русские эмигранты в Швейцарии разрешили для себя вопрос, как им пробраться в Россию, немецкий Ген. Штаб в Берлине, пользуясь указаниями своего агента Парвуса (Гельфанда), бывшего русского эмигранта, с. - д., работавшего с большевиками, сам стал строить планы, как бы поскорее отправить в Россию возможно больше русских пораженцев и сторонников немедленного мира.

Первыми, кого он решил переправить в Россию, были, конечно, Ленин и его товарищи.

Циммервальдец Платтен, перевозивший через Германию Ленина, очень глухо, не называя имен и о многом умалчивая, в своей брошюре рассказывает со слов Ленина, что сейчас же после революции в России из Берлина в Швейцарию, по указанию Парвуса, был прислан какой то подозрительный субъект.

В Цюрихе он обратился через посредников к Ленину и от имени немецкого правительства предложил ему добиться разрешения немедленно устроить некоторым видным русским эмигрантам переезд из Швейцарии в Швецию через Германию, откуда бы они уже могли свободно ехать в Россию.

Ленин очень заинтересовался этим предложением немцев, но оборвал переговоры, когда они начинали принимать официальный характер, и, минуя берлинского посланца, начал вести переговоры с немецким правительством через швейцарских социалистов, сам все время оставаясь в тени.

В то же самое время известный К. Радек, как рассказывает он сам, обратился по собственной инициативе, через корреспондента «Франкфуртер Цайтунг», к немецкому послу в Берлине с прямым и откровенным вопросом: пропустят ли немцы русских эмигрантов из Швейцарии проехать через Германию, — и тотчас же получил заверение, что немцы это сделают очень охотно.

Но в то же самое время, когда у Ленина и Радека происходили эти таинственные переговоры с немцами, все вообще русские эмигранты в Швейцарии, которым, как пораженцам, нельзя было рассчитывать проехать в Россию через союзные страны, строили {13} разнообразные, иногда фантастические планы поездки новыми путями, например, перелететь на аэропланах. С. — д. меньшевики первые, — первые, по крайней мере, открыто — по инициативе Мартова предложили, быть может один из самых реальных, но зато и самых ужасных планов переезда эмигрантов, русских подданных, из Швейцарии в Россию... через Германию, когда она вела войну с Россией!

В Берне образовался Комитет из представителей различных эмигрантских партий в он постановил через депутатов Гос. Думы Чхеидзе и Керенского обратиться к Временному Правительству в требованием устроить обмен их на германских и австрийских военнопленных. Этот их план для России был поистине ужасен, и вот почему.

При обмене военнопленных Комитет предоставлял Временному Правительству требовать от немцев пропуска в Россию эмигрантов- пораженцев, прежде всего нужных... тем же немцам для усиления в самой России пропаганды сепаратного мира и для организации в ней гражданской войны.

Меньшевики, таким образом, предлагали сделать то, о чем только могли мечтать для себя немцы и что в то же самое время было бы (как на самом деле потом и было) прямым ударом по России и по ее армии в самый критический момент войны, какую она вела.

Но план меньшевиков сам по себе, однако, ничего еще не предвещал, потому что для своего осуществления требовал предварительных переговоров Временного Правительства с немцами, когда бы им могли быть приняты во внимание интересы России.

СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ ЛЕНИНА С НЕМЦАМИ.

Ленин рвал и метал против меньшевиков за то, что они не хотели сами добиваться от немцев пропуска, а предлагали это сделать Временному Правительству, которое, как он полагал, никогда бы на это не пошло и только провело бы время. За это Ленин ругал меньшевиков тогда «мерзавцами первого разряда».

План самого Ленина сводился к тому, чтобы эмигранты немедленно сами начали переговоры с немцами и сами еще в Швейцарии, без участия Временного Правительства, стали бы добиваться от них разрешения проехать через Германию в нейтральную страну, чтобы, оттуда, прямо ехать в Россию.

{14} Немцам Ленин только в будущем обещал сделать все от него зависящее для удовлетворения обмена военнопленными!

Немцы охотно шли на переговоры с Лениным. Им, конечно, так нужно было поскорее перебросить русских пораженцев в Россию, что они для будущего обмена своих военнопленных больших гарантий, чем словесные заверения Ленина, и не требовали. Они, очевидно, готовы были даже и вовсе не настаивать на обмене своих военнопленных, лишь бы только поскорее перебросить в Россию Ленина и его товарищей для разложения русской армии и для подготовки в России государственного переворота во время войны, чтобы таким образом заставить ее отказаться от дальнейшего участия в войне.

Ленин хотел поставить Временное Правительство перед свершившимся фактом — их приездом на русскую границу, когда, предстояло бы решить: пропустить их беспрепятственно ехать дальше в Россию или поддаться на провокацию — принять вызов по обвинению в запрещении некоторым эмигрантам, его политическим противникам, въезда в Россию после революции.

Немцы хорошо знали Ленина, — знали и то, что в продолжение двух лет перед войной он делал против России в Австрии и потом, во время войны в Швейцарии (Об этом см. наши статьи в «За Свободу» (май и июнь 1927 г.: «Ленин под покровительством Департамента Полиции и немцев»), чтобы они могли колебаться, — и они тотчас же согласились на его просьбу.

«Немцы, которые надеялись, — говорит Радек в своих воспоминаниях — что мы, большевики, в России сыграем роль противников войны, согласились на наши условия».

Ленин, с своей стороны, прекрасно, конечно, знал, что такое Вильгельм II и его Ген., Штаб, но он зная и то, что их политика в данное время ему на руку для его борьбы за социальную революцию в России.

Просьба, обращенная к немцам о пропуске через Германию в Россию, сама по себе вовсе не казалась Ленину, как и всем вообще большевикам, политически недопустимой. Для него в борьбе никогда ничего не было недопустимого.

ПЕРЕГОВОРЫ ЭМИГРАНТСКОГО КОМИТЕТА С ПЕТРОГРАДОМ О ПОЕЗДКЕ В РОССИЮ.

Русский - Эмигрантский Комитет, образовавшийся в Берне, решил обратиться к немцам сначала через швейцарского с. - д. умеренного циммервальдца, Гримма.

{15} Как циммервальдец, Гримм стоял, конечно, за мир во что бы то не стало и был ярким противником всех союзников. Его позиция в этом вопросе была на руку немцам, потому что в это время они особенно нуждались в прекращении войны: в этом видели свое спасение.

Гримм, поэтому, охотно стал работать на немцев.

Когда, по поручению русских эмигрантов, он 19-го апреля 1917 года поехал в Петроград хлопотать об обмене немецких военнопленных на русских эмигрантов в Швейцарии, то он ехал, несомненно, с поручением немцев дать толчок мирным переговорам. По словам Платтена, Гримм еще в Швейцарии «впутался в разговоры с немцами об условиях мира» и после, перебравшись в Петроград, «он сообщал «своему» правительству о видах на мир, что в свою очередь, вероятно, передавалось немцам».

Позиция Гримма особенно ярко обнаружилась, когда в Петрограде была опубликовала его тайная переписка с швейцарским министром Гофманом. Переписка была такова, что после ее опубликования Гримм, с согласия таких русских меньшевиков, как Церетели, раньше ручавшихся за него, был, по распоряжению Временного Правительства, немедленно выслан из Петрограда.

19 марта (1917 г.) Гримм через швейцарского министра Гофмана обратился к его правительству за указаниями относительно переговоров с немцами о переезде русских эмигрантов во время войны через Германию, но оно дало ему понять, что не находит для себя, как нейтрального правительства возможным принять какое-нибудь участие в переговорах с немцами.

После такого ответа швейцарского правительства, Гримму приходилось открыто обратиться с его просьбой к немцам. Но на это ни он, ни русский Центральный Комитет в Берне в его целом ни решились, — и тогда, по инициативе меньшевиков, 5-го апреля была послана в Петроград телеграмма Чхеидзе, председателю Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, министру Юстиции Керенскому и Комитету Веры Фигнер, в которой они предлагали «устроить соглашение между Россией и Германией по образцу практиковавшихся уже во время войны обмена интернированными гражданами. Согласно этому, русским эмигрантам, при условии освобождения известного количества интернированных в России немцев, должна быть предоставлена возможность переезда в Скандинавию через Германию.

Телеграмма была подписана от имени Центрального Комитета эмигрантов Багоцким, Балабановой, Иоффе, Ф. Конь, Семковским, Устиновым, Лениным. Одновременно это предложение было послано {16} в Петроград и представителям различных политических партий за подписью Аксельрода, Абрамовича, Луначарского, Мартова, Мартынова, Натансона, Рязанова и др.

Большинство членов Комитета считало политической ошибкой теперь же обращаться к немцам, поскольку еще не была доказана невозможность получения от Временного Правительства согласия на предложенный ими план.

Хотя телеграмма была послана собственно не Временному Правительству, но от него, за подписью Милюкова, был получен следующий ответ:

«В ответ на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, касательно возвращения эмигрантов через Германию, считаем проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным. Мы телеграфно обратились в Лондон и Париж с просьбой пропустить всех эмигрантов без различия политических взглядов и оказать всяческое содействие, дабы дать им возможность поскорее вернуться. Милюков».

Ответ запоздал. В это время одни из русских эмигрантов уже проехали через Германию, другие — уже договорились о своем проезде.

ПОЕЗДКА ЛЕНИНА В РОССИЮ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ.

3-го апреля Платтен с просьбой Ленина обратился непосредственно к немецкому послу в Берне фон Ромбергу.

Ромберг дал Платтену аудиенцию и на ней много говорил о виновности союзников в войне, о необходимости начать поскорее мирные переговоры и т. д. Из этого было ясно, чего он желал от ехавших в Россию русских эмигрантов.

Просьбу Ленина Ромберг тотчас же послал в Берлин и уже 6-го апреля ему сообщили оттуда о согласии. Там сразу поняли, на сколько для них важна поездка Ленина в Россию.

Платтен от имени ленинских товарищей в Берне тотчас же подписал с немцами договор.

7-ой пункта этого договора гласил:

«Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь».

После ответа немцев Ленин ни за чем больше не захотел обращаться к швейцарскому правительству и не стал ожидать, как {17} к предложению немцев отнесутся другие эмигранты: меньшевики, с. - р., анархисты, тоже желавшие ехать в Россию, и каков будет ответ на телеграмму, посланную в Петроград 5-го апреля.

Он назначил срок отъезда — на 9 апреля — и открыл запись желающих ехать вместе с ним.

9 апреля Ленин и еще 30 слишком лиц, по большей части большевики, в числе которых были: его жена Крупская, Зиновьев с женой (Лилина), К. Радек (австрийский подданный), С. Я. Соколовский, Арманд, Ольга Равич, Ланде, Харитонов и другие, кто впоследствии играл видную и такую печальную роль в большевицком движении, ехали в Шафгаузен — к немецкой границе.

На цюрихском вокзале при отъезде ленинцев их провожали немногие друзья и швейцарские с. - д., а собравшиеся русские меньшевики, с. - р., оборонцы, социал - патриоты, независимые, провожали их криками:

— *«Германские агенты!» «Изменники!»*

На немецкой границе швейцарцы не имели основания удерживать этих русских путешественников, а немцы их охотно приняли.

Несколько дней вагон с этими путешественниками, из за усиленного передвижения военных немецких поездов, блуждал по Германии, останавливаясь то во Франкфурте, то в Берлине. В конце концов, немцы благополучно высадили их в немецком порту в Заснице на пароход, шедший из Германии прямо в Швецию.

Немцы разрешили проехать через свою территорию подданным враждебной страны, конечно, потому, что не сомневались, чего они могут от них ждать.

Но они знали прекрасно, что, кроме незначительного большевицкого течения, в России все с негодованием встретили известие о предполагавшейся поездке Ленина через Германию. Телеграф тогда же передал слова Милюкова, бывшего в то время министром иностранных дел, что приезжающие большевики с Лениным будут преданы суду, как изменники.

ОТЪЕЗД В РОССИЮ, ВСЛЕД ЗА ЛЕНИНЫМ, ДРУГИХ ЭМИГРАНТОВ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ.

Таким образом, большевики, с Лениным во главе, уехали через Германию в Россию одни, а меньшевики, с. - р. и другие эмигранты, как ни рвались тогда ехать в Россию, однако, не решились воспользоваться разрешением немцев.

Они, конечно, понимали, что немцы везут в Россию Ленина единственно для того, чтобы он помог им разложить русскую армию и разжечь в России гражданскую войну, и что то, на чем договорился {18} Ленин с немцами, во все времена и у всех народов называлось одним словом:

— Предательство!

И они отказались ехать вместе с Лениным.

Но... прошло некоторое время. Успех Ленина и его триумфальный приезд в Петроград соблазнил некоторых из оставшихся в Швейцарии эмигрантов. Придуманы были новые объяснения и оправдания; и по ленинской дороге, через ту же Германию, скоро поехали другие русские пораженцы и проводники сепаратного мира.

В этих новых запломбированных вагонах были и бывшие, и будущие большевики, как Луначарский, Рязанов, колебавшиеся ехать с Лениным, были и меньшевики, как Мартов, Урицкий, были и с. - р. как Натансон, были и анархисты. Каждый по своему объяснял свою поездку через Германию в Россию.

Всего тогда проехало этим путем через Германию до 500 человек.

Были ли в этих новых ковчегах «чистые», не выдавшие, что творят, — трудно сказать, зато «нечистых», разумеется, было много, — вплоть до профессиональных военных шпионов и до тех, кому немцы выдавали на проезд деньги.

Но и среди них, кто ехал в Россию без ленинских целей, не могли не понимать, кто и для чего с ними едут в одних вагонах, и кого прикрывают они, сами непричастные немецким планам.

Но, несомненно, приехавшие из Германии во втором и следующих транспортах привезли с собою прежде всего оправдание Ленина, кого в его время общественное мнение в России открыто обвиняло, как предателя, за его переезд через Германию в Россию во время войны с согласия немецкого Генерального Штаба, и поднятая агитация против Ленина и приехавших с ним большевиков скоро ослабела именно потому, что обвинять его приходилось вместе с теми, кто сами прямо не были виновны в переговорах с немцами, но кто одинаково с ним воспользовались разрешением немцев проехать в данных условиях через Германию.

С какими целями вслед за Лениным через Германию ехали в Россию те, кого немцы с такой охотой пропустили во второй партии через свою территорию видно из официального заявления председателя швейцарского эмигрантского комитета меньшевика Семковского, сделанного им перед выездом из Швейцарии:

«Я, Семковский, заявляю:

«Мы, эмигранты, поставлены перед альтернативой; либо мириться с фактом, что амнистия для швейцарской эмиграции фикция, {19} или же вопреки заговору либеральной контрреволюции в России, отстаивать наше священнейшее право — в решающий момент революции быть в революционных рядах и действовать в России в духе Циммервальда. «Наш долг — принять участие в борьбе за революцию в качестве социалистов и интернационалистов».

Таким образом, они были недовольны союзниками, которые не хотели пропустить их через свою территорию для разложения русской армии и для пропаганды в России мира, нужного немцам во что бы то ни стало, — и были очень довольны Временным Правительством, спокойно встретившим их после проезда через Германию.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА В ПЕТРОГРАД.

Почти не останавливаясь в Стокгольме, Ленин немедленно поехал на финляндскую границу — в Торнео.

Ленин знал, что во Временном Правительстве некоторые из членов высказывались за немедленный его арест, но он знал и то, что другие были против этого и что во всяком случае в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов большинство, почти все, потребует для него свободного пропуска в Россию. Он был уверен, что Керенский и Церетели не только беспрепятственно пустят его в Россию, но и дадут ему потом полную возможность довести его дело до конца.

Ожидания Ленина, оправдались. Во Временном Правительстве не нашлось людей, которые настояли бы на его аресте, чтобы потребовать от него ответа на суде за переговоры с врагом во время войны.

Из Торнео Ленин благополучно доехал до Белоострова. Там его торжественно встретили Каменев и другие его, товарищи - большевики.

В Петрограде, на Финляндском вокзале, большевицкая толпа встретила Ленина восторженными криками. Гремел Интернационал. Нашлись солдаты к матросы, которые устроили Ленину почетный караул. Чхеидзе и другие представители левой демократии приветствовали Ленина речами, как товарища.

Еще на финляндском вокзале через головы встречавших его демократов, Ленин, обратился к толпе с призывом к гражданской войне, к социальной революции и к самой решительной борьбе с Временным Правительством. Он тогда же, в эти первые минуты своего приезда в Россию, наметил все, к чему потом стремился в последующие 6-7 месяцев, пока 25-го октября ему не удалось совершить государственный переворот.

{20}

... ДЛЯ ЧЕГО НЕМЦЫ ПЕРЕБРОСИЛИ ЛЕНИНА В РОССИЮ В 1917 ГОДУ.

В настоящее время всем понятно, для чего в начале 1917 г., немцам надо были во что бы то ни стало перебросить в Россию русских пораженцев с Лениным во главе. Впрочем, этого и тогда только слепые могли не видеть.

В то время, по словам такого компетентного в этом вопросе человека, как Платтен, для Гинденбурга и для Людендорфа всякое средство представлялось хорошим, лишь бы оно дало возможность перебросить немецкую армию с восточного фронта на западный.

Переброска 70 дивизий с восточного фронта на западный, говорит Платтен, по расчетам Гинденбурга и Людендорфа, в то время еще могла дать немцам возможность повести «генеральный штурм на Париж» прежде чем Америке удастся сделать невозможным прорыв западного фронта и, таким образом, нанести союзникам последний, решающий удар или, по крайней мере, добиться сепаратного мира.

Выполнить этот план немцы могли надеяться только в том случае, если была бы парализована русская армия. Им, поэтому, нужно было во что бы то ни стало разложить ее. Этого они и надеялись добиться, перебросив в Россию Ленина и его товарищей.

Отправив из Швейцарии в Россию русских пораженцев, немцы стали надеяться еще спасти себя, как ни тяжело было их положение.

Они еще на год продолжили свою борьбу с союзниками и погубили еще новые миллионы своих и чужих солдат.

Но, в конце концов, им не помог и Ленин с его большевицкой пропагандой, с его захватом власти в России и даже с его Брест- литовским миром.

Немцы к осени 1918 года, несмотря на оказанную им большевиками помощь, были вынуждены признать себя побежденными.

3 (16) АПРЕЛЯ 1917 Г. — ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Ленинцы, оставшиеся верными заветам Ленина, могут в настоящее время праздновать 3 (16) апреля, как важную дату в истории большевизма. И, действительно, без этого проклятого дня, по всей вероятности, у большевиков не было бы их октябрьской победы, и Россия не пережила бы того, что она пережила в последние 10 лет.

Но для нас день 3 (16) апреля 1917 года — черный день в русской истории — день политического безумия и политической слепоты тех, кто в то время был у власти в России.

К позорному столбу!

В 17, и 18 №№ «Общего Дела» (от 14-го и 16-го октября 1917 г.), издававшемся в Петрограде, были напечатаны за несколько дней до большевистского переворота два здесь ниже приводимые списка под заглавием: «К позорному столбу!».

В предисловии к первому списку от редакции было сказано:

«В настоящее время приближаются выборы в Учредительное Собрание. Поэтому мы, пока не поздно, считаем долгом опубликовать списки лиц, проехавших в Россию в германских вагонах, дабы все русские граждане, которые считают этот поступок изменой родине, могли бы принять это обстоятельство во внимание, если бы кто либо из этих лиц оказался внесенным в список кандидатов в Учредительное Собрание.

Да и вообще давно пора, чтобы Россия знала имена «германских путешественников».

Список первой партии, с Лениным во главе, был помещен в «Ленинском сборнике», изданном недавно в Петрограде, с очень незначительными вариантами против нашего списка. Оба списка мы дали в официальном тексте, в каком они были присланы из-за границы Временному Правительству.

Сколько нам известно, ни до, ни после, других списков лиц, проехавших через Германию во время войны с согласия немецкого правительства, никогда более никем опубликовано не было.

В 18 № «Общего Дела» по поводу печатавшихся списков была помещена наша статья «Наше несчастье и наш позор», которую мы ниже и приводим почти целиком.

1. — НАШЕ НЕСЧАСТЬЕ И НАШ ПОЗОР.

Мне не раз приходилось опубликовывать проскрипционные листы с именами отдельных лиц, или даже целых групп. Делал я это всегда с тяжелым чувством, — и понятно почему.

Опубликовывая каждое новое такое имя, приходилось и самому себе, и своим читателям признаваться в том, что то или иное лицо еще вчера было в нашей среде и что вчера еще этот человек был нашим товарищем.

{22} Но никогда мне не было так тяжело опубликовывать подобные списки, как сегодня.

Когда читатель прочтет перечисленные мной в сегодняшнем. номере «Общего Дела» фамилии и примет во внимание серьезность вопроса, о котором идет речь, он поймет, почему мне тяжело печатать этот список, и почему читателям тяжело будет его читать.

Сегодняшний список содержит в себе 159 имен. Это почти все без исключения — революционеры. Некоторые из них с очень громкими именами в прошлом, и в данное время они играют в русской жизни одну из главных, видных и ответственных ролей.

Во все время войны, до самой революции, они, страха ради перед Николаем II, сидели в Женеве и Цюрихе и оттуда смело вели свою пораженческую кампанию.

После революции, когда им нечего было бояться вернуться в революционную Россию, они решили осчастливить ее своим приездом.

Ехать в Россию через Францию и Англию было долго и по дороге можно было встретить проклятые подводные лодки проклятого Вильгельма II, от которых недавно погиб П. Карпович.

Ехать же в Россию через Германию было и близко, и скоро, и безопасно, и очень удобно! Поэтому то, заграничные пораженцы решили столкнуться с Вильгельмом II, и они припали к стопам его величества с покорнейшей просьбой: пропустить их на родину... через Германию.

Вильгельм II сделал то, чего в его положении никто, никогда, ни для кого не делал; он через свою территорию пропустил подданных воюющей страны туда, где была, казалось, их родина!

Проклятый Вильгельм II хорошо знал, что он делал!

Каким мефистофельским смехом смеялся он со своим Гинденбургом; когда разрешил Ленину и К-о ехать через Германию в Россию! В каких радужных красках рисовал он себе тогда свои планы. Вот теперь, спустя полгода после того, как он выполнил свой гениально - дерзкий план, он не только, конечно, с удовольствием потирает свои руки, но не может не признать, что

действительность превзошла все ожидания.

В настоящее время петроградцы боятся, чтобы Вильгельм не прислал в Петроград цеппелинов и чтобы эти цеппелины не стали бросать на город бомбы с удушливыми газами. Без улыбки я не могу выслушивать этих преувеличенных опасений. Но я вовсе не улыбался в марте и апреле этого года, когда узнал, что из Швейцарии в Германию Вильгельм II целыми вагонами транспортирует Лениных и Мартовых, Луначарских и Натансонов, Рязановых и {23} Зиновьевых. От такого известия я тогда пришел в ужас. Я чувствовал, что на Россию надвигается какое то огромное несчастье, размер которого мне тогда еще не был ясен.

Но, разумеется, мне и в голову не могло придти, что бомба, брошенная тогда в Россию Вильгельмом, могла иметь такое роковое значение, как это оказалось на самом деле.

Что делали в России за это время Ленин, Зиновьев, Луначарский, Рязанов, — это все знают.

Известна их связь с событиями 3-4 июля, их роковая роль в наиболее вредных решениях в Советах р. и с. деп., их участие в «Новой жизни», «Рабочем Пути» и т. д. Почти все они — социал-демократы.

Здесь я упомяну только об одном из семнадцати соц. - револ., приехавших из Германии, — о Марке Андреевиче Натансоне.

Он — чайковец, привлекался по политическому делу еще в 1872 г. Был душою «Земли и Воли» (1876-78 г. г.), «народоправец» (1893-94 г. г.) и партии соц. - рев. (с 1904 г.).

Натансон — один из самых старых революционеров, но по вопросу о войне является среди них «белой вороной». Вместе с В. М. Черновым он — пораженец. В то время, как все старые революционеры, почти все без исключения: В. Фигнер, Брешковская, Чайковский, Кропоткин, Плеханов, Лопатин, Морозов и др. являются горячими сторонниками обороны страны, М. А. Натансон идет вместе с Камковым, Черновым, Спиридоновой, а, следовательно, в близком соседстве с Мартовым, Рязановым, Зиновьевым, Лениным.

После возвращения в Россию М. А. Натансон явился одним из деятельнейших членов Ц. К. с. - р., каковым он, впрочем, был и за границей. Здесь он ведет кампанию против Брешковской и Савинкова, на исключении которого из партии он давно настаивал. На съезде соц. - рев. он проваливает кандидатуру в Ц. К. А. Ф. Керенского, все время числится в рядах левых с. - р. и играет видную роль среди вредных членов И. К. Советов Р. и С. Д.

В Совете Республики я вижу повсюду его суetsyающую фигуру, вижу, как он протестует против «контрреволюционеров»: Родичева, Милюкова, Кусковой и Агеева.

Любопытно знать, какие полезные советы может подать Российской Республике этот германский путешественник?

В различных местностях М. А. Натансон выставлен кандидатом в Учредительное Собрание.

Во вчерашнем номере «Петроградского Листка» мы увидели фотографию {24} Совета старейшин. Там, рядом с Родичевым, Чайковским, Винавером, Авксентьевым, мы увидели и М. А. Натансона.

Но из числа германских путешественников не один он — М. А. Натансон — участвовал в Ц. К. Совета Р. и С. Д., и в Совете Республики, и не один он выставлен кандидатом в Учредительное Собрание.

Все эти немецкие путешественники, которых я имею в виду, прошли в И. К. Совета Р. и С. Д., в Совете Республики и теперь стремятся... в Учредительное Собрание.

Попадут ли они туда, это зависит от того, как к ним отнесутся избиратели: отвергнут ли они с негодованием все их списки, где будет выставлен хоть один из этих германских путешественников, — или примут их с восторгом, как списки, где есть имена лиц, умудренным опытом.

(«Общее Дело», 18 №, 16 октября 1917 ».)

**2. — СПИСОКЪ № 1 ЛИЦЪ, ПРОЪХАВШИХЪ ЧЕРЕЗЪ ГЕРМАНИЮ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.**

1. **УЛЬЯНОВЪ*)**, Владиміръ Ильичъ, р. 19 апрѣля 1870 г. Симбирскъ (Ленинъ).
2. **СУЛИШВИЛИ**, Давидъ Сократовичъ, р. 8 марта 1884 г. Сурамъ Тифл. губ.
3. **УЛЬЯНОВА*)**, Надежда Константиновна, р. 14 февр. 1869 г. въ Петроградъ.
4. **АРМАНДЪ*)**, Инеса Федоровна, р. въ 1879 г. въ Москвѣ.
5. **САФАРОВЪ**, Георгій Ивановичъ, р. 3 ноября 1891 г. въ Петроградъ.
6. **МОРТОЧКИНА**, Валентина Сергѣевна, р. 28 февраля 1891 г.
7. **ХАРИТОНОВЪ**, Моисей Мотъковъ, р. 17 февраля 1887 г. въ Николаевъ.
8. **КОНСТАНТИНОВИЧЪ**, Анна Евгеніевна, р. 19 авг. 66 г. въ Москвѣ.
9. **УСИЕВИЧЪ**)**, Григорій Александровичъ, р. 6 сент. 90 г. въ Черниговъ.
10. **КОНЪ**, Елена Феликсовна, р. 19 февр. 93 г. въ Якутскъ.
11. **РАВВИЧЪ*)**, Сарра Наумовна, р. 1 авг. 79 г. въ Витебскъ.

12. ЦХАКАЯ*), Михаилъ Григорьевичъ, р. 2 янв. 1865.
13. СКОВНО, Абрамъ Анчиловичъ, р. 15 сент. 188 г.
14. РАДОМЫСЛЬСКИЙ*), Овсей Гершенъ Ароновичъ, 20 сент. 1882 г. въ Елисаветградъ. (Гр. Зиновьевъ).
15. РАДОМЫСЛЬСКАЯ*), Злата Эвновна, р. 15 янв. 82 г.
16. РАДОМЫСЛЬСКИЙ, Стефанъ Овсѣевичъ, р. 17 сент. 80 г.
17. РИВКИНЪ, Залманъ Бэркъ Осеровичъ, р. 15 сент. 83 г. въ Ведижъ.
18. СЛЮСАРЕВА, Надежда Михайловна, р. 25 сент. 86 г.
19. ГОБЕРМАНЪ, Михаилъ Вульфовичъ, р. 6 сент. 92 г. въ Москвѣ.
20. АБРАМОВИЧЪ, Мая Зеликовъ, р. 27 марта 81 г.
21. ЛИНДЕ*), Юганъ Арнольдъ Югановичъ, р. 6 сент. 88 г. въ Гольдингенъ.
22. БРИЛЛАНТЪ*), Григорій Яковлевичъ, р. 2 авг. 88 г. въ Ромнахъ. (Сокольниковъ).
23. МИРИНГОФЪ, Илья Давидовичъ, р. 25 окт. 77 г. въ Витебскѣ.
24. МИРИНГОФЪ, Марія Ефимовна, р. 1 марта 86 г. въ Витебскѣ.
25. РОЗЕНБЛЮМЪ, Давидъ Мордуховичъ, р. 9 авг. 77 г. въ Борисовѣ.
26. ПЕЙНЕСОНЪ, Семенъ Гершовичъ, р. 18 декабря 87 г. въ Ригѣ.
27. ГРЕБЕЛЬСКАЯ, Фаня, р. 19 апр. 91 г. въ Бердичевѣ.
28. ПОГОССКАЯ, Буня Хемовна, р. 19 іюля 89 г. въ Рикинахъ (при ней — сынъ Рувимъ, р. 22 мая 13 г.).
29. АЙЗЕНБУНДЪ, Мееръ Кивовъ, р. 21 мая 81 г. въ Слуцкѣ.

**3. — СПИСОКЪ № 2 ЛИЦЪ, ПРОЪХАВШИХЪ ЧЕРЕЗЪ ГЕРМАНИЮ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.**

А) Росс. Соц.-Дем. Р. Партія.

1. АКСЕЛЬРОДЪ, Товія Лейзеровъ, съ женой.
2. АПТЕКМАНЪ, Юсифъ Васильевичъ.
3. АСИРАНИ, Сосипатръ Самсоновичъ.
4. АДЪЕВЪ, Иванъ Ананьевичъ, съ женой и сыномъ.
5. БРОНШТЕЙНЪ (Семковскій), Семенъ Юльевичъ, съ женой.
6. БЪЛЕНЬКІЙ, Захарій Давыдовичъ, съ женой и ребенкомъ.
7. БОГРОВА, Валентина Леонидовна.
8. БРОНШТЕЙНЪ, Роза Абрамовна.
9. БЪЛЕНЬКІЙ.
10. БУАГИДЗЕ, Самуиль Григорьевичъ.
11. ВОЙКОВЪ***), Петръ Григорьевичъ.
12. ВАНАДЗЕ, Александръ Семеновичъ.
13. ГИШВАЛИНЕРЪ, Петръ Юсифовичъ.
14. ГОГІАШВИЛИ, Поликарпъ Давыдовичъ, съ женой и ребенкомъ.
15. ГОХБЛИТЪ, Матвѣй Юсифовичъ.

16. ГУДОВИЧЪ.
17. ГЕРОНИМУСЪ, Иосифъ Борясовичъ.
18. ГЕРШЕНЪ.
19. ЖВИФЪ, (Макаръ) Семень Моисеевичъ.
20. ДОБРОВИЦКІИ, Захарій Лежбовъ.
21. ДИДИЗЕ, Соломонъ Ясевичъ.
22. ЮФЕ, Давидъ Наумовичъ, съ женой.
23. КОГАНЪ, Владиміръ Абрамовичъ.
24. КОПЕЛЬМАНЪ.
25. КОГАНЪ, Израиль Иреміевичъ, съ женой и ребенкомъ.
26. КРИСТИ, Михаилъ Петровичъ.
27. ЛЕВИНА.
28. ЛЕВИТМАНЪ, Либа Берковна.
29. ЛЕВИНЪ, Юхимъ Давыдовичъ.
30. ЛЮДИНСКАЯ.
31. ЛЕБЕДЕВЪ (Поляскій), Павелъ Ивановичъ, съ женой и ребенкомъ.
32. ЛУНАЧАРСКИЙ*), Анатолий Васильевичъ.
33. МЕНДЕРЪ (З. Орловъ), Федоръ Ивановичъ.
34. МГЕЛАДЗЕ, Власа Джарисмановичъ.
35. МУНТЯНЪ, Сергій Федоровичъ, съ женой.
36. МАНЕВИЧЪ, Абрамъ Эвель Израилевичъ, съ женой.
37. МОВШОВИЧЪ, Моисей Соломоновичъ, съ женой и ребенкомъ.
38. МАНУИЛЬСКИЙ*), Дмитрій Захаревичъ, съ женой и 2 дѣтьми.
39. НАЗАРЬЕВЪ, Михаилъ Федоровичъ.
40. ОСТАШИНСКАЯ, Роза Гиршъ-Араповна.
41. ОРЖЕРОВСКИЙ, Маркъ, съ женой и ребенкомъ.
42. ПИКЕРЪ*), (Мартыновъ), Семень Юльевичъ, съ женой и ребенкомъ.
43. ПОВЕСЪ (Астровъ), Исаакъ Сергѣевичъ.
44. ПОЗИНЪ, Владиміръ Ивановичъ.
45. ПШИБОРОВСКИЙ, Стефанъ Владиславовъ.
46. ПЛАСТИНИНЪ, Никаноръ Федоровичъ, съ женой и ребенкомъ.
47. РОХЛИНЪ, Мордха Вульфовичъ.
48. РАЙТМАНЪ, съ женой и ребенкомъ.
49. РАБИНОВИЧЪ, Скенреръ Пили Иосифовна.
50. РУЗЕРЪ, Леонидъ Исааковичъ, съ женой.
51. РЯЗАНОВЪ****), Давидъ Борисовичъ, съ женой.
52. РОЗЕНБЛУМЪ, Германъ Хаскелевъ.
53. СОКОЛИНСКАЯ, Гитля Лазаревна, съ мужемъ.
54. СОКОЛЬНИКОВА, съ ребенкомъ.
55. САГРЕДО, Николай Петровичъ, съ женой.
56. СТРОЕВА.
57. САДОКАЯ, Иосифъ Бежановичъ.
58. ТУРКИНЪ, Михаилъ Павловичъ.

59. ПЕВЗАЯ, Викторъ Васильевичъ.
60. ФИНКЕЛЬ, Моисей Адольфовичъ.
61. ХАПЕРЯ, Константинъ Ал.
62. ЦЕДЕРБАУМЪ*****) (Мартовы), Юлій Осиповичъ.
63. ШЕЙКМАНЪ, Ааронъ Лейбовичъ.
64. ШИФРИНЪ, Натанъ Калмановичъ.
65. ЭРЕНБУРГЪ, Илья Лазаревичъ.

Б) «БУНДЪ» :

67. АЛЬТЕРЪ, Эстера Израилевна, съ ребенкомъ.
68. БАРАКЪ.
69. БОЛТИНЪ, Лейзеръ Хаимовъ.
70. ВЕЙНБЕРГЪ, Маркусь Аароновичъ.
71. ГАЛЬПЕРИНЪ.
72. ДРАНКИНЪ, Вульфъ Мееровичъ, съ женой и ребенкомъ.
73. ДИМЕНТЪ, Лейзеръ Нахумовичъ.
74. ДРЕЙЗЕНШТОКЪ, Анна Мееровна.
75. ЗАНИНЪ, Майромъ Монашеевичъ.
76. ЮФФЕ, Пинкусь Юселевъ.
77. ИДЕЛЬСОНЪ, Маркъ Лимпановъ.
78. КЛАВИРЪ, Левъ Соломоновичъ.
79. КОНТОРСКИЙ, Сам. Струль Давыдовичъ.
80. ЛЮБИНСКИЙ, Мечиславъ Абрамъ Осиповичъ, съ женой и ребенкомъ.
81. ЛЕВИТЪ (Геллеръ-Левитъ), Эйдель Мееровна, съ ребенкомъ.
82. ЛЮКСЕМБУРГЪ, Моисей Соломоновичъ.
83. ЛИПНИНЪ, Иуда Лейбовъ.
84. МЕЕРОВИЧЪ, Мовша Гилелевъ.
85. ЛЕРНЕРЪ, Давидъ.
86. МАХЛИНЪ, Тайва-Зейликъ Зельмановичъ.
87. ТУСЕНЕВЪ, Исаакъ Марковичъ.
88. РАКОВЪ, Моисей Ильичъ.
89. НАХИМЗОНЪ, Мееръ Ицковичъ.
90. РЕЙНЪ (Абрамовичъ), Рафаилъ Абрамовичъ, съ женой и 2-мя дѣтьми.
91. РОЗЕНЪ, Хаимъ Иуда, съ женой.
92. СКЕПТОРЪ, Яковъ Лейвиновъ.
93. СЛОБОДСКИЙ, Валентинъ Осиповичъ.
94. СВѢТИЦКИЙ, А. А.
95. ХЕФЕЛЬ, Абрамъ Яковлевичъ.
96. ПИНЛИСЪ, Мееръ Бенціоновичъ.
97. ЦУКЕРШТЕЙНЪ, Соломонъ Срулевъ, съ 2-мя дѣтьми.
98. ШЕЙНИСЪ, Исеръ Хаимовичъ.
99. ШЕЙНБЕРГЪ.

В) С.-Д. Корол. Польшк. и Литвы.

100. ГОЛЬДБЛЮМЪ, Роза Маврикіевна. Г. Латыш. С.-Д.

101. УРБАНЪ, Эрнсъ Ивановичъ, съ женой и ребенкомъ.
102. ШУСТЕРЪ, Иванъ Германовичъ, съ женой и ребенкомъ.

Д) Литов. С.-Д.

103. МАРТНА, Михаилъ Юрьевичъ.

Е) Пол. П. Соц.

104. КОНЪ*), Феликсъ Яковлевичъ, съ дочерью и зятемъ.
105. ЛЕВИНЗОНЪ (Лапинскій), Мееръ Абрамовичъ.
106. ШПАКОВСКІЙ, Янъ Игнатій Александровичъ.

Ж) Соц.-Рев.

107. ВЕСНШТЕЙНЪ, Израиль Арафовичъ.
108. ВИНОГРАДОВА, Елизавета Еврона.
109. ГАВРОНСКІЙ, Димитрій Осиповичъ.
110. КАЛЪЯНЪ, Евгения Николаевна.
111. КЛЮШИНЪ, Борисъ Израилевичъ, съ женой.
112. ЛЕВИНЗОНЪ, Мееръ Абрамовичъ, съ женой и ребенкомъ.
113. ДУНКЕВИЧЪ, Зоя Павловна.
114. ДАХЛИНЪ, Давидъ Григорьевичъ, съ женой и ребенкомъ.
115. НАТАНСОНЪ*), (Бобровъ), Маркъ Андреевичъ, съ женой (В. И. Александрова).
116. БАЛЪБЕВА (Уресъ), Марія Алексадровна, съ ребенкомъ.
117. ПЕРЕЛЬ, Ревекка.
118. ПРОШЪЯНЪ*), Тронъ Першовичъ.
119. РОЗЕНБЕРГЪ, Левъ Иосифовичъ, съ женой и 2-мя дѣтьми.
120. УСТИНОВЪ*), (Безземельный), Алексѣй Михайловичъ.
121. УЛЪЯНОВЪ, Григорій Карловичъ.
122. ФРЕЙФЕЛЬДЪ, Левъ Владиміровичъ, съ женой и ребенкомъ.
123. ТЕНДЕЛЕВИЧЪ, Леонидъ Абрамовичъ, съ женой и 2-мя дѣтьми.

З) А. К.

124. БУЦЕВИЧЪ, Александръ Станиславовичъ.
125. ВЬЮГИНЪ, Яковъ, съ женой и 2 дѣтьми.
126. ГИТЕРМАНЪ, Абрамъ Моисеевичъ, съ женой и ребенкомъ.
127. ГОЛЬДШТЕЙНЪ, Абрамъ Борисовичъ.
128. ЮСТИНЪ, Давидъ.
129. ЛИПДИЦЪ, Ольга съ ребенкомъ.
130. МАКСИМОВЪ (Ястржембскій), Тимофей Θεодоровичъ.
131. МИЛЛЕРЪ, Абрамъ Липовичъ, съ женой и 2-мя дѣтьми.
132. РУБИНЧИКЪ, Эфраимъ Абрамъ Ароновъ.
133. РИВКИНЪ, Абрамъ Яковлевъ.
134. СЕГАЛОВЪ, Абрамъ Вульфовичъ, съ женой.
135. СКУТЕЛЬСКІЙ, Иосифъ Исааковичъ.
136. ТОЙБИСМАНЪ, Ветя Израилевна.
137. ШМУЛЕВИЧЪ, Эстеръ Исааковна.

Г) Поалей Ционъ.

138. **ВОЛОВНИНЪ**, Аласса Овсѣвна.
140. **КАРА.**

И) Сион.-Соц.

139. **ДИНЕСЪ**, Ривка Хаимовна.
141. **РОЗЕНБЕРГЪ**, Левъ Иосифовичъ.

К) Дикіе.

142. **АВЕРБУХЪ**, Шмуль Лейбъ Иосифовичъ.
143. **БАЛАБАНОВА*)**, Анжелика Исааковна.
144. **БРАГИНСКИЙ**, Монусъ Осиповичъ.
145. **ГОНІОНДСКИЙ**, Иосифъ Абрамовичъ.
146. **КИММЕЛЬ**, Иоганъ Вольдемаръ.
147. **КАРАДЖАЙ**, Георгій Артемьевичъ, ^{д а} съ женой.
148. **ЗИФЕЛЬДЪ**, Артуръ Рудольфовичъ.
149. **МАРАРАМЪ**, Эля Эвельичъ.
150. **МАКАРОВА**, Ольга Михайловна.
151. **МЕЙСНЕРЪ**, Иванъ, съ женой и 2 дѣтьми.
152. **ОДОЕВСКИЙ** (Сѣверовъ), Афанасій Семеновичъ.
153. **ОКУДЖАВА**, Владиміръ Степановичъ.
154. **РАШКОВСКИЙ**, Хаимъ Пинкусовичъ.
155. **СЛОБОДСКИЙ**, Соломонъ Мордковичъ.
156. **СОКОЛОВЪ**, Павелъ Яковлевичъ.
157. **СТУЧЕВСКИЙ*)**, Павелъ Владиміровичъ.
158. **ТРОЯНОВСКИЙ**, Константинъ Михайловичъ.
159. **ШАПИРО**, Маркъ Леопольдовичъ.

*) Звездочкой отмечены имена принимавших особенно активное участие в последующих большевицких событиях

**) Убит на Уральском фронте.

***) Войков — Петр Лазаревич, участник убийства царской семьи в 1919 г., казненный Ковердой в Варшаве.

****) Рязанов - Гольдендах.

*****) Мартов, как и большинство его товарищей меньшевиков, к большевикам не примкнул. Они подвергались систематическим гонениям со стороны большевиков, сидел в тюрьмах, были в ссылке, но в то самое время они оказали большевикам огромные услуги, и без них большевики, конечно, не смогли бы ни захватить власть в России, и удержать ее.

Ленин и Раковский. (Отрывок из моих воспоминаний)

С самого начала проявления деятельности большевиков после революции я резко выступил против них в литературе.

Свои обвинения против них я сформулировал летом 1917 года, между прочим, в своей статье: «Или мы, или немцы и те, кто с ними», одновременно помещенной в некоторых московских и петроградских газетах (Сколько помнится, статья целиком, кроме «Русской Воли», «Петербургского Листка», московского «Утра», — была помещена еще в нескольких газетах в один и тот же день.).

С этой статьей у меня связан целый ряд воспоминаний о той борьбе, которую я вел в то время против большевиков.

Приведу из нее несколько отрывков.

«Россия переживает в эти дни родовой момент своей истории. Перед ней стоит вопрос ее бытия и чести.

Все политические партии, все отдельные политические деятели и всё сознательное население страны должны резко поделиться на два непримиримых лагеря — для беспощадной войны друг с другом.

Одни — за бытие России, за её честь. Другие — за что угодно, но только не за её бытие и не за её честь.

У этих двух политических лагерей в данный момент нет ничего общего.

Они — не политические противники. Они — политические враги, и их борьба не может не быть беспощадной»...

«Они (большевики), пользуясь тем критическим положением, в котором находится вся страна благодаря войне, являются злейшими ее врагами. Ради своей демагогии, они решили довести до конца свои задачи, хотя бы для этого и нужно было поставить на карту судьбу всей страны».

{31} ...«Что большевики до сих пор всегда работали на радость немцам, — мы это и раньше хорошо знали, а теперь это понимают уже все.

В этой систематической помощи немцам в настоящей войне мы обвиняем как партию большевиков в целом, и ее лидеров, так и всех тех, кто помогал им делать дело разрушения России.

Вот несколько имен лиц, кто в эти месяцы работал над разложением России:

- 1) Ленин,
- 2) Троцкий,
- 3) Каменев,
- 4) Зиновьев,
- 5) Коллонтай,
- 6) Стеклов (Нахамкес),
- 7). Рязанов,
- 8) Козловский,
- 9) Луначарский,
- 10) Рошаль,
- 11) Раковский,
- 12) М. Горький (А. М. Пешков)

(Все эти лица вскоре, в октябре 1917 года, приняли активное участие в большевицком перевороте. Один только Горький, раньше оказавший огромные услуги большевикам, в этом перевороте участия не принимал. Но впоследствии он снова примкнул к ним, когда их власть явно укрепились).

Нам больно включать в этот список дорогое для всех нас имя большого писателя, о котором впоследствии много будут говорить и на страницах истории политической борьбы за свободу России.

Но мы не можем забыть, что в годы напряженной борьбы русского народа за свое существование, этот писатель, человек, по существу почти чуждый активной политической борьбы, тем не менее, явился вдохновителем пораженческой газеты «Новая Жизнь» и оказал так много услуг тем, кто

рука об руку с немцами работал над уничтожением и разорением нашей родины.

Деятельность перечисленных нами лиц, от Ленина до Раковского, была последнее время такова, что нас отовсюду сотни раз спрашивали— не провокаторы ли они?

Они — не провокаторы, но они, как и Парвус, хуже, чем провокаторы, — они в своей деятельности всегда являлись, вольно или невольно агентами Вильгельма II-го.

{32} Благодаря именно им: Ленину, Зиновьеву, Троцкому и т. д., в проклятые, черные дни 3-4 июля (1917 года) Вильгельм II достиг всего, о чем только мечтал: он сорвал наш военный заем, он в сотни домов Петрограда внес траур, он остановил жизнь в столице и тем самым ударил по всей стране и по армии. За эти дни Ленин с его товарищами обошлись нам не меньше хорошей чумы или холеры.

В виду всего этого мы и можем сказать, что в русской жизни нет в настоящее время большего зла и большей опасности, чем большевизм Ленина и его товарищей.

Народ имеет право требовать от правительства свободной республики исчерпывающего расследования о всей деятельности Ленина, и правительство обязано дать полное удовлетворение негодующему народу».

По поводу этой статьи мне пришлось выслушать много горячих приветствий. Но она же вызвала против меня и протесты.

Протестовали не одни большевики, но и многие из тех, кто, хотя не имел ничего общего с большевиками, но для кого в то время еще не было ясно, какую опасность, представляли она собой и что они готовили в ближайшем же будущем.

Этой моей статьей возмущился, прежде всего, Горький. Он мне ответил двумя письмами в «Новой Жизни» в духе и в тоне Челкаша. Эти его письма я тогда же целиком перепечатал в своем журнале «Будущее» (в августе 1917 г.) и оценил их, как они того заслуживали.

Будущему зачинщику «планетарной» революции Ленину я вовремя дал, как мне кажется, верную оценку — и еще тогда я имел возможность убедиться, что многие правильно поняли, почему я так резко выступил против него.

В связи с упоминанием в моей статье о Горьком было одно шумное и характерное для того времени недоразумение, о котором тогда же рассказал журналист Д. Бразуль в первом номере «Общего Дела» (6 сентября 1917 года).

Выпуская ночью на 7-ое июля газету «Народное Слово», Д. Бразуль узнал, что на следующий день утром должно появиться в петербургских газетах «сенсационное разоблачение Бурцева относительно видного общественного работника». Речь шла о моей статье «Или мы, или немцы и те, кто с ними».

«Обзвонив часть редакций, — пишет Бразуль, — я только в «Русской Волне» узнал, что в газете утром появится письмо Бурцева {33} о роли большевиков и Максима Горького в наших военных неудачах, до и в особенности после революции. Звоня дальше, я услышал из редакции «Живое Слово», как свист хлыста по воздуху:

—Горький — немецкий шпион!

Пользуясь знакомством с выпускающим в эту ночь «Живое Слово», я указал, что в остальных редакциях или нет ничего по этому поводу, или есть нечто значительно более мягкое, но получил категорическое подтверждение, что это — факт, о котором больно говорить, но факт.

Подняв в три часа ночи с постели редактора своей газеты и получив инструкцию воздержаться даже от упоминания о содержании и характере имеющего появиться в газетах разоблачения, я, после выпуска своей газеты, зашел, по дороге домой, в «Живое Слово» и прочел на свежем листе с машины, отпечатанные жирным шрифтом, слова:

«Писатель Максим Горький, издающий и редактирующий газету «Новая Жизнь», избличается в причастности к германской агентуре. Обвинителем Горького является В. Л. Бурцев».

«Я пытался довольно настойчиво получить сведения, из бесспорного ли источника получено такое ошеломляющее известие, но встретился, опять-таки, с тем же указанием: «печально, но факт!». Ни на одну секунду не веря, однако, подобному сообщению, подозревая, что

здесь или злостная клевета, или недоразумение, я предложил выпускающему «Живое Слово» В. М. Панебратцеву пройти вместе в «Русскую Волю» и проверить это ужасающее сообщение.

Через 10 минут мы с очевидностью убедились, что между письмом Бурцева и тем, что, *с о слов какого то репортера или корректора, случайно зашедшего из «Петроградского Листка»*, напечатано в «Живом Слове» — громадная дистанция.

Панебратцев просил Уманского, редактора «Живого Слова», уничтожить отпечатанные экземпляры газеты и выйти в свет с «цензурной вырубкой», но редактор сказал ему:

«Понимаете, — я не могу выбрасывать из машины, когда уже отпечатано 16 тысяч. И, кроме того, я не нахожу, что «Живое Слово» неправильно представляет дело».

Вскоре после этого, из Парижа, от союза корреспондентов через русское посольство в Париже и через Чрезвычайную Следственную Комиссию Муравьева в Петрограде я получил запрос подтверждаю ли я то, что писал в своей статье о Горьком. Я тогда же телеграммой ответил в Париж, тоже через Муравьевскую Комиссию, {34} что я подтверждаю все от первого до последнего слова в моей статье, в том числе и то, что писал о Горьком. Эта телеграмма была в свое время напечатана за границей во французских газетах.

Один из тогдашних протестов против этой моей статьи о большевиках особенно мне памятен. Он показывает, как трудно было для нас в то смутное время вести борьбу с большевиками и как их поддерживали те, кто, очевидно, не могли с ними иметь ничего общего.

В «Русских Ведомостях» в защиту Раковского, упомянутого в моей статье, выступил против меня с обширным открытым, горячо написанным письмом один из самых замечательных и популярных русских писателей — В. Г. Короленко.

Во время заседания Общественных деятелей в Москве — в августе 1917 года — мне передали номер «Русских Ведомостей» и я там увидел письмо ко мне В. Г. Короленко. Оно произвело на меня ошеломляющее впечатление.

В. Г. Короленко не был мне близким человеком, но мы встречались всегда дружественным образом — с поцелуями. Незадолго перед этим я получил от него очень теплое письмо.

Он просил меня помочь основать газету для солдата в ярко оборонческом духе. Письмо меня глубоко тронуло, потому что оно было написано с безграничным доверием ко мне. Короленко писал мне, что благодаря занятой мной позиции после приезда из-за границы, в начале войны, я, более чем кто либо другой, могу быть полезным в этом большом деле.

Я тут же, на собрании, подошел к одному из редакторов «Русских Ведомостей» и хотел с ним объясниться. Он понял, о чем я хочу с ним говорить, и с большим смущением сам первый сказал мне:

— Что делать! Как же мы могли отказать Короленко в помещении его письма!

Мне было больно за «Русские Ведомости». Я только сказал этому редактору, что редакция этого не должна была делать именно ради Короленко, и во всяком случае, раз я в Москве, — а в редакции знали это: я был в ней дня за два перед этим, — могли бы предварительно переговорить со мной. Я в том же номере ответил бы В. Г. Короленко, и смягчилось бы впечатление от этого его письма.

Ошибка В. Г. Короленко была ясна для многих.

Кроме {35} горьковской пораженческой газеты «Новая Жизнь», работавшей на большевиков, не нашлось *ни одной* другой газеты, которая бы даже отметила это его письмо, а между тем все его письма и статьи в газетах всегда являлись крупными литературными событиями и обыкновенно перепечатывались почти целиком всеми газетами.

Меня стали просить, чтобы я помягче отвечал Короленко. Вскоре я стал издавать «Общее Дело» и в 9-ом номере, в виде передовой, поместил статью: «Мой ответ Короленко». Вот несколько отрывков из этой статьи.

«Защищая Раковского, В. Г. Короленко просит поставить его имя рядом с именем

Раковского и одинаково их или обвинять, или защищать.

Разумеется, этой просьбы В. Г. Короленко мы ни в каком случае выполнить не можем. Для нас В. Г. Короленко есть В. Г. Короленко и таковым останется навсегда. Он может совершить ту или иную ошибку, когда он говорит по поводу мало знакомых для него вопросов, но от этого он никогда не будет походить на Раковского.

Для меня В. Г. Короленко и Раковский, так сказать, — «две большие разницы». Когда я буду говорить о взглядах и деятельности Раковского, я всегда буду говорить об этом без всякой связи со взглядами и деятельностью В. Г. Короленко — и наоборот...

В. Г. Короленко желает смотреть на выступления Раковского в литературе, в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, на митингах и т. д., как на деятельность исключительно идейную, и любит ее, как таковой, с беспристрастием литератора и историка, даже тогда, когда он с нею не согласен.

Для меня нынешняя деятельность Раковского и тех, под знаменем которых он работает, привела Россию к Тарнополю, Риге, братанию на фронте, к немецким десантам и т. д. В виду именно этого я решительно отказываюсь в настоящее время, подобно В. Г. Короленко, смотреть на Раковского и на его деятельность с беспристрастием историка.

Может быть, в мирное время, в словесных дебатах и в литературной полемике я и сам, подобно В. Г. Короленко, смог бы благодушно выслушивать все то, что теперь говорят наши пораженцы, но сейчас этого делать я не могу.

Пораженчество Раковских, которое они развивают на страницах «Новой Жизни», приводит к разгрому нашей армии, к гибели России, то есть, к тому, что так нужно для немцев; для чего они {36} подбивали невольных своих помощников и союзников в этой же проклятой работе.

В. Г. Короленко, подобно многим русским общественным деятелям, добродушно относится к своим теоретическим разногласиям с Раковским и тем самым, по моему мнению, жестоко относится к вопросам о войне».

В своем письме ко мне Короленко, между прочим, упрекнул меня в том, что я отказался принять вызов Раковского и на суде разобрать мои обвинения против него. Но и в данном случае Короленко был неправ.

После моей статьи «Или мы или немцы или, кто с ними», ко мне приходили товарищи Раковского, Зурабова (Зурабов — бывший член Государственной Думы Потом он был эмигрантом. Я его обвинял, как участника «научного» института Парвуса в Дании, явного агента немецкого Генерального Штаба.) и другие с требованием в 48 часов согласиться да третейский суд и назначить своих судей. Я им ответил письмом и это свое письмо тогда же опубликовал в номере 3-м «Будущего». В нем я предложил, как Раковскому, так и Зурабову и другим, приславшим мне вызов: «разобрать все его возражения: — или в печати, или в специальных революционных комиссиях, или в гласном государственном суде. Я только отказывался принять его вызов на *третейский суд*, — и вот почему.

«Раковский, писал я в этом своем письме, приехавший после революции в Россию из-за границы, сколько мне известно, ни до, ни после моей заметки не переменял своего отношения к войне, какое у него было раньше, и он остается при тех же взглядах, которые так близки для Гримма и О. Бауэра (Гримм, швейцарский социалист, был летом 1917 года выслан из России за пропаганду в пользу немцев, а Бауэр, австрийский социалист, тогда же, как военнопленный, был обменен на одного из русских военнопленных и выслан из России. Вернувшись в Австрию, он вел открытую борьбу против союзников.) и так далеки для меня.

Для меня Раковский — не литературный противник, с которым у меня существуют теоретические разногласия, а политический враг, и наши спорные с ним вопросы теперь решаются не литераторами на страницах газет, а армиями на фронте. Поэтому, по моему мнению, было бы вообще гораздо лучше и спокойнее для нас, {37} русских, если бы все Раковские, а также Гриммы и О. Бауэры во время войны были вне России — у себя, в Болгарии и Румынии, Швейцарии и Австрии, а не в Петрограде, не в заседаниях Совета Р. и С. Д. и не в редакции «Новой Жизни».

При таком взгляде на Раковского я, конечно, никогда не позволю себе идти с ним на третейский суд, как равный с равным, пока он будет в противоположном для меня военном лагере.

Согласившись участвовать в третейском суде с Раковским, я тем самым дал бы повод и для

Гримма, О. Бауэра, Парвуса добиваться того же самого у моих товарищей и у меня.

Но этого делать я не хочу и никогда этого не сделаю.

По поводу вызовов меня на третейские суды всеми Раковскими и Зурабовыми, хотя бы они и продолжали назначать для моего ответа сроки в 48 часов, я всегда неизменно им буду отвечать словами Белинского:

— Я — жид и с филистимлянами вместе есть не хочу!

Впоследствии, в сменовеховском «Накануне» (1921-22 г.г.), издававшемся в Берлине, было опубликовано письмо В. Г. Короленко к министру иностранных дел М. И. Терещенко, относящееся как раз к тому времени, когда я вел полемику с Раковским.

В. Г. Короленко, защищая румынского с. - д. Доброджана, арестованного в Румынии за большевицкую пропаганду, просит Терещенко хлопотать перед румынским правительством об его освобождении. В этом письме В. Г. Короленко, между прочим, писал:

«Мне известно, что румынские власти обвиняют некоторых вождей румынской социал-демократии в том, что будто бы они действуют во вред России и ее правительства в качестве (Сколько известно, А. Доброджан в те годы был очень близок к большевикам.) агентов Германии. Обвинение это, по недоразумению, поддерживалось и в русской печати, В. Л. Бурцевым».

«Накануне» привело эти слова. В. Г. Короленко, конечно, для того, чтобы уколоть меня и прикрыться в полемике со мной именем В. Г. Короленко.

В то время я обвинял не А. Доброджана, дела которого я не знал, а только Раковского, — и обвинял его в том, что он {38} действует во вред России и ее союзников, как немецкий агент и как русский большевик, работавший с Лениным и его товарищами, которые в то время были связаны с немецким Генеральным Штабом, как их агенты.

Надеюсь, в настоящее время мне нет нужды кому-нибудь доказывать, как тяжело ошибался В. Г. Короленко, когда он защищал Раковского и нападал на меня.

В последние годы своей жизни В. Г. Короленко — он умер в 1922 году — жил на юге, где в то время главным представителем большевиков бил Раковский, и под его непосредственным ведением действовала большевицкая Чека. Жилось Короленко в эти годы очень тяжело, и он умер под впечатлением тех ужасов, которые вокруг него творились большевиками. (*Короленко умер 25.12.1921 года в Полтаве; по нов. ст.; ldn-knigi*)

Лично самого Короленко большевики не трогали, но на его глазах, благодаря Чека, погибли самые близкие для него люди, и он был свидетелем дикого разгула красного террора.

Он часто пытался хлопотать о спасении разных лиц и со своими просьбами обращался к видным большевикам, между прочим, и к Раковскому, но его хлопоты, по большей части, были напрасны.

В это время Короленко, конечно, лучше понял Раковского, чем в 1917 г., когда так горячо его защищал, — и вообще лучше понял большевиков.

После моей статьи «Мы или немцы и те, кто с ними», ко мне в редакцию явился Рошаль, один из самых наглых тогдашних большевиков, и с криками и угрозами избить, стал требовать объяснений. Он протестовал против того, что, называя его большевиком, я в то же самое время называл его немецким агентом. Он требовал, как и Раковский, как и Зурабов, третейского суда.

Я, конечно, от такого суда отказался и предложил ему разобрать его дело в революционной комиссии, и на всякий случай на другой день послал ему резко написанную обвинительную записку по его делу, как документ, который мог бы фигурировать на революционном суде. В этой записке я снова называл немецкими агентами, как его, так и Ленина, и Троцкого, и Зиновьева.

Но Рошаль больше ко мне не являлся и моего вызова не принял. Никаких своих угроз разделаться со мной за мои статьи он не привел в исполнение, хотя это ему и было совсем нетрудно сделать. Так же точно своих угроз не привели в исполнение ни Раковский, ни Зурабов, ни другие большевики, против которых я {39} продолжал выступать в печати все время, изо дня в день, до самого большевицкого переворота.

Большевики на мои обвинения ни разу не возражали мне. Но зато 25 октября 1917 года, в первый день захвата ими власти, первый, кого они засадили в Петропавловскую крепость, — был я.

В их тюрьме я просидел около пяти месяцев. Они не раз грозили меня судить за мои статьи против них, напечатанные мной в 1917 г., но в конце концов на это, все-таки, не решились.

Им, очевидно, было выгоднее замолчать мои обвинения в предательстве, чем обратить на них общее внимание в литературной полемике или при обвинении меня даже на их же суде.

ВЛ. БУРЦЕВ.

22. 10. 1927.

V. BOURTZEFF. 17, rue Cujas. Paris (5 arr.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
БОЛЬШЕВИКИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ПРЕДАТЕЛИ	3-9
ЮБИЛЕИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА	10-20
1. Одинъ изъ очередныхъ большевицкихъ юбилеевъ	10
2. Нѣмецкая пропаганда во время войны	11
3. Переговоры нѣмцевъ съ русскими эмигрантами въ Швейцаріи	12
4. Сепаратные переговоры Ленина съ нѣмцами	13
5. Переговоры эмигрантскаго комитета съ Петроградомъ о по- ѣздкѣ въ Россію	14
6. Поѣздка Ленина въ Россію черезъ Германію	16
7. Отъѣздъ въ Россію, вслѣдъ за Ленинымъ, другихъ эмигран- товъ черезъ Германію	17
8. Приѣздъ Ленина въ Петроградъ	19
9. Для чего нѣмцы перебросили Ленина въ Россію въ 1917 году	20
10. 3(16) апрѣля 1917 г. — черный день въ русской исторіи	20
—————	
КЪ ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ!	21-29
1. Наше несчастье и нашъ позоръ	21
2. Списокъ № 1 лицъ, проѣхавшихъ черезъ Германію во время войны	24
3. Списокъ № 2 лицъ, проѣхавшихъ черезъ Германію во время войны	24
—————	
ЛЕНИНЪ И РАКОВСКІЙ (изъ моихъ воспоминаній)	30-39
1. О статьѣ «Мы или нѣмцы и тѣ, кто съ ними»	30
2. М. Горькій, сотрудникъ большевиковъ	31
3. В. Г. Кироленко о Раковскомъ	34
4. Рошаль	38